

Исра

БИРЗЕЙТ, ПАЛЕСТИНА

Весна 1990

Почти все семнадцать лет своей жизни Исра Хадид каждый день помогала матери готовить ужин: в теплые дни сворачивала виноградные листья или фаршировала тыкву-спагетти, а когда становилось морозно и виноградники за домом пустели, варила чечевичный суп. Они с мамой стояли у плиты в клубках пара, почти касаясь друг дружки головами, будто делились невесть какими секретами, пока закат не бросит рыжий отсвет в окно. Из окна стоящего на холме дома открывался вид на окрестности: склоны, усеянные красными черепичными крышами и оливковыми деревьями, — всё ярко, густо, буйно. Исра всегда распахивала окна настежь. Она любила аромат фигов и миндаля по утрам, а ночью — шорохи, доносящиеся с кладбищ у подножия холма.

Время позднее, скоро раздастся призыв к вечерней молитве магриб и положит конец кухонным хлопотам. Исра с мамой пойдут в ванную, закатают рукава домашних халатов и смоят с рук густо-красный соус. Исра молилась с семи лет, по пять раз в день опускаясь на колени рядом с мамой. В последнее время она стала предвкушать молитвы: ей нравилось стоять подле мамы, прижимаясь плечом к ее плечу и

слегка задевая ногой ее ногу, — только в эти минуты Исра ощущала человеческое прикосновение. А вот и он — тягучий звук азана.

— Молитва сегодня подождет, — сказала мама по-арабски, выглядывая из окна кухни. — У нас гости.

Во входную дверь постучали, и мама бросилась к раковине, быстро ополоснула руки и вытерла их чистым полотенцем. Уже на пороге кухни она спрятала свою хрупкую фигуру под черной тобой, а длинные черные волосы прикрыла хиджабом в тон. Хотя маме было всего тридцать пять, Исре казалось, что она выглядит гораздо старше: от повседневных трудов лицо ее покрылось глубокими морщинами.

Мама поймала взгляд Исры:

— Не забудь смыть с рук чесночную вонь, прежде чем выйдешь к гостям.

Исра помыла руки, стараясь не запачкать розовое платье-кафтан, которое мама велела надеть по этому случаю.

— Как я выгляжу? Все в порядке?

— Хорошо выглядишь, — отозвалась мама с порога. — Хиджаб заколи аккуратно, чтобы волосы не выбивались. Мы же не хотим, чтобы наши гости подумали о тебе что-нибудь не то.

Исра сделала, как ей сказали. Из коридора донесся голос ее отца, Якуба, — он произносил свое обычное «салам», провожая гостей в залу. Скоро он примчится на кухню и потребует воды. Исра заранее достала из буфета три стеклянных стакана и выставила на видное место. Приходящие к ним гости часто жаловались, что дорога к дому очень уж крутая, особенно в такие дни, как сегодня, когда воздух раскален и кажется, что солнце висит всего в паре дюймов над крышей. Исра жила на одном из самых крутых холмов Палестины, на клочке земли, который Якуб, по его словам,

купил за вид: мол, когда озираешь мир с вершины холма, ощущаешь себя могущественным, как король. Ибра молча слушала отцовские рассказы. Она не посмела бы возразить Якубу, что до могущества им ох как далеко. На самом деле семью ее отца изгнали из их дома в Лидде, недалеко от побережья, когда Израиль вторгся в Палестину, — Якубу в ту пору было всего десять лет. Именно поэтому теперь они жили на окраине Бирзейта, на крутом холме с видом на два кладбища — слева христианское, справа мусульманское. Этот клочок земли никому не был нужен и потому оказался им по карману.

Впрочем, вид на Бирзейт с холма Ибра нравился. За кладбищами виднелась школа для девочек, в которой она училась, — четырехэтажное бетонное здание в кружеве виноградной лозы, — а дальше, за полем миндаля, мечеть с голубым куполом, где молились Якуб и трое ее братьев, пока они с мамой молились дома. Когда Ибра выглядывала из окна кухни, ее неизменно охватывало смешанное со страхом томление. Что там, за пределами их деревни? Ей страстно хотелось покинуть дом и окунуться в неведомый мир, однако привычный уклад обещал спокойствие и безопасность. А в ушах звучал назидательный мамин голос: «Место женщины — дома». Даже вырвись Ибра отсюда, она бы все равно не знала, куда пойти.

— Завари чай, — сказал Якуб, заглядывая на кухню, и Ибра протянула ему стакан с водой. — Мята не жалея.

Ибре не нужно было об этом напоминать: она знала, как все положено делать. Сколько она себя помнила, перед глазами всегда была мать, которая только и делала, что прислуживала да развлекала. Когда приходили гости, мама ставила на столик в зале коробку шоколадных конфет «Макинтош», а перед пахлавой всегда подавала печеные арбузные семечки.

У напитков тоже был свой порядок: сперва мятный чай, затем кофе по-турецки. Мама говорила, что нарушить порядок — значит нанести гостям оскорбление. Так оно и было. Исра как-то слышала рассказ одной женщины: она-де пришла в гости к соседям, а те сразу подали ей кофе. «Я развернулась и ушла, — заявила женщина. — Это ведь все равно, что с лестницы человека спустить!»

Дождаясь, когда мама позовет ее из зала, Исра достала фарфоровый сервиз — красные с золотом чашки. До нее донесся смех Якуба — другие мужчины тоже засмеялись. Исре стало любопытно, над чем они потешаются.

Несколько месяцев назад, на той неделе, когда ей исполнилось семнадцать, Исра вернулась из школы и обнаружила, что Якуб сидит в зале с молодым человеком и его родителями. Каждый раз, когда в памяти всплывал этот день — день, когда ей впервые сделали предложение, — перед внутренним взором сразу вставал Якуб, кричащий на маму после ухода гостей. Отец был в ярости, оттого что она не подала чай в старинном сервизе, который они берегли для особых случаев.

— Еще не хватало прослыть бедной! — орал Якуб, размахивая растопыренной ладонью.

Мама ничего не ответила, молча улизнула на кухню. Не в последнюю очередь из-за их бедности Якуб так стремился выдать Исру замуж. Сыновья помогали ему возделывать поля и зарабатывать на жизнь, и именно им предстояло передать по наследству родовое имя. А дочь — залетная гостья, которая должна тихо сидеть и ждать, когда другой мужчина взвалит ее, а заодно и все обязанности по ее содержанию себе на шею.

С тех пор Исре сделали предложение еще двое — пекарь из Рамаллы и таксист из Наблуса, — но Якуб обоим отказал. Он все поминал какую-то семью, которая вот-вот

приедет из Америки в поисках невесты, и теперь Ибра поняла почему: он дожидался именно этого жениха.

Ибра сама не знала, как отнестись к переезду в Америку — об этой стране она знала разве что по новостям да по книгам из школьной библиотеки. Понятно было только, что нравы на Западе свободнее, чем у них. Это наполняло Ибру одновременно радостью и ужасом. Какая жизнь ее ждет, если она уедет в Америку? Приживется ли скромная девушка в такой вольной стране?

Раньше она часто не спала ночами, думая о будущем, пытаясь предугадать, как сложится ее жизнь, когда она покинет дом Якуба. Будет ли муж ее любить? Сколько у нее родится детей? Как она их назовет? Порой она грезила, что выйдет замуж за любовь всей своей жизни, и они поселятся в маленьком домике на вершине холма, с большими окнами и крышей из красной черепицы. А в иные ночи ей представлялись лица собственных детей, двух мальчиков и двух девочек, обращенные к ней и к мужу, — любящая семья вроде тех, о которых Ибра читала в книгах. Но теперь эти мечты ее оставили. Жизнь в Америке Ибра вообразить не пыталась. Даже не представляла, с какой стороны подступиться к такой фантазии. И это ее пугало.

Вот бы открыть рот и сказать родителям: «Нет! Не хочу я такой жизни!» Но Ибра с малых лет усвоила, что послушание — единственный способ завоевать любовь. Поэтому бунтовала разве что тайком, в обществе книг. Каждый вечер, вернувшись из школы, замочив в кастрюле рис, развесив одежду братьев, накрыв на стол, а по окончании ужина помыв посуду, Ибра потихоньку уходила к себе в комнату и читала у открытого окна, при бледном свете луны. Читать, как и многое другое, мама запрещала, но тут Ибра не считала нужным слушаться.

Она хорошо помнила, как однажды наврала маме, что не нашла на тутовых деревьях ягод, а на самом деле полдня сидела с книжкой на кладбище. Якуб в тот вечер побил ее дважды — в наказание за неповиновение. Обругал *шармутой* — шлюхой. «Я тебе покажу, как не слушаться родителей!» — гаркнул он, приложил ее о стену, а потом принялся охаживать ремнем. Комната растворилась в белом мареве. Все предметы потеряли объем и форму. Она терпела, закрыв глаза, пока тело не одеревенело, пока не отнялись руки и ноги. Когда Исра вспоминала об том дне, ее захлестывал страх — но не только. Еще какая-то странная отвага.

Исра поставила дымящиеся чашки на поднос и пошла в залу. Мама учила: чтобы не потерять равновесие, не смотри на пар, — поэтому она смотрела в пол. На пороге Исра на миг замерла. Краем глаза увидела мужчин и женщин, разместившихся в разных сторонах комнаты. Покосилась на маму — та сидела как обычно: голова опущена, взгляд устремлен на красный турецкий ковер. Исра поневоле засмотрелась на орнамент. Спиральки и завитушки, все одинаково закрученные, непрерывно следующие одна за другой. Исра отвела глаза. Очень хотелось украдкой взглянуть на молодого человека, но она чувствовала, что Якуб смотрит на нее, почти слышала его голос: «Порядочная девушка на мужчин не пялится!»

Не поднимая глаз, Исра все же скользнула взглядом по полу. И заметила носки молодого человека — серо-розовая клеточка, поверху белая стежка. На улицах Бирзейта она никогда ничего подобного не видела. По спине побежали мурашки.

Облака пара поднимались от подноса, скрывая лицо Исры, и она проворно обошла комнату, подавая чай мужчинам. Затем направилась к матери жениха. Темно-синий

хиджаб у нее был повязан совсем небрежно — едва прикрывал крашенные хной волосы. Исра никогда не видела, чтобы мусульманка так носила хиджаб в реальной жизни. Подобное могло быть в черно-белых египетских фильмах, которые она смотрела с мамой, или в ливанских музыкальных клипах, где женщины отплясывали в откровенных нарядах, даже на какой-нибудь иллюстрации к любимой книге Исры «Тысяча и одна ночь» — сборнику средневековых сказок народов Ближнего Востока. Но в Бирзейте — никогда.

Чуть наклонившись вперед, Исра заметила, что мать жениха изучает ее. Мать жениха была полная, сутулая, на губах — кривая усмешка, темные миндалевидные глаза чуть прищурены. Судя по выражению ее лица, наружность Исры не очень-то пришлась ей по вкусу. Да что там, мама тоже частенько сетовала, что Исра — девица неказистая: лицо бледное, будто мукой обсыпанное, глаза черные как угли. Единственным ее украшением были волосы — длинные и темные, как Нил. Только вот под хиджабом они никому не видны. Да и какая разница, подумала Исра. Серая мышка — она и есть серая мышка.

Эта мысль и стала последней каплей. Стоя перед матерью жениха, Исра почувствовала, как задрожала верхняя губа. Вцепившись в поднос, она сделала шаг к этой чужой женщине. Она ощущала, что Якуб не сводит с нее глаз, слышала, как он кашлянул, видела, как мама впиалась пальцами в собственные бедра. Но все равно наклонилась к гостье — фарфоровая чашечка дрожала в руке — и спросила:

— Не желаете ли кофе?

Но это не сработало. Американцы, похоже, даже не заметили, что она подала кофе первым. Жених вскоре попросил ее руки, Якуб тут же согласился, и Исра в жизни не видела на отцовском лице такой широкой улыбки.

— Ты каким местом думала? Предложить кофе первым! — кричала мама, когда гости ушли и они с Исрой, вернувшись на кухню, снова встали к плите. — Ты не девочка уже — почти восемнадцать стукнуло! Всю жизнь хочешь просидеть при моей юбке?

— Я переволновалась, — пробормотала Исра, надеясь, что ей не достанется от Якуба. — Это случайно вышло.

— Ну конечно, случайно! — Мама сорвала тебя со своего худого тела. — Как в тот раз, когда ты сыпанула соли в чай Умм Али, потому что она сказала, что ты тощая, как фонарный столб!

— Это правда было случайно...

— Благодарю судьбу, что у них семья не такая строгая, как у нас, — сказала мама. — А то не видать бы тебе Америки!

Исра посмотрела на нее глазами полными слез:

— Как же я буду в этой Америке?..

Мама не подняла взгляда. Сгорбившись над разделочной доской, она резала лук, чеснок, помидоры — неизменные ингредиенты всех их трапез. Исра втянула ноздрями знакомые запахи, захотелось, чтобы мама прижала ее к себе, шепнула на ухо, что все будет хорошо, может быть, даже предложила сшить ей несколько хиджабов на случай, если в Америке их не делают. Но мама молчала.

— Радоваться надо, — сказала она наконец, бросив на сковородку горсть лука. — Бог тебе такую возможность даровал! В Америке тебя ждет хорошее будущее. Уж точно лучше, чем здесь, — она обвела рукой ржавую столешницу, старый чан, в котором они грели воду для мытья, облезлый линолеум. — Ты что, так хочешь жить? Зимой мерзнуть без отопления, спать на какой-то подстилке вместо нормального матраса, никогда досыта не есть?

Исра ничего не ответила, глядя на шипящую сковородку. Мама протянула руку и приподняла ее подбородок:

— Да ты знаешь, сколько девиц не погнушались бы и человека убить, лишь бы оказаться на твоём месте? Лишь бы уехать из Палестины в Америку?

Исра потупилась. Она знала, что мама права, но не могла представить себя в Америке. Беда была в том, что Исра и в Палестине не чувствовала себя как дома — люди здесь жили с опаской, ни на шаг не отступали от старых обычаев, боясь позора. Исра мечтала о большем — о том, чтобы ее не заставляли подчиняться общим правилам, о приключениях, а больше всего о любви. По ночам, дочитав книжку и сунув ее под матрас, Исра лежала в постели и гадала, каково это — любить и быть любимой. Ей даже представлялся какой-то мужчина, хотя лица было не разобрать. Он построит для нее библиотеку, где будут храниться книги ее любимых писателей и поэтов. Они будут читать у окна каждую ночь — Руми, Хафиза, Джебрана. Она будет рассказывать ему о своих сокровенных мечтах, а он — слушать. По утрам она будет заваривать для него мятный чай, а по вечерам варить суп. Они будут гулять по горам, держась за руки, и она будет чувствовать — впервые в жизни, — что достойна любви другого человека. «Посмотрите на Исру и ее мужа, — станут говорить люди. — Любовь — как в сказке!»

Исра откашлялась:

— А как же любовь, мама?

Мама уставилась на нее сквозь пар:

— Что любовь?

— Я всегда мечтала влюбиться.

— Влюбиться? Ты что такое говоришь? Я что, вырастила шармуту?

— Нет... нет... — Исра замялась. — Но что, если мы с женихом не полюбим друг друга?

— Не полюбите друг друга? Да где брак, а где любовь? Ты думаешь, мы с твоим отцом друг друга любим?

Исра опустила глаза:

— Я думала, да... ну хоть немного...

Мама вздохнула:

— Скоро ты поймешь, что в жизни женщины для любви места нет. Тебе только одно понадобится — терпение.

Исра постаралась не выказать разочарования. И проговорила, тщательно подбирая слова:

— Может быть, в Америке женщины живут по-другому...

Мама устремила на нее непонимающий взгляд:

— Как это «по-другому»?

— Не знаю, — ответила Исра как можно мягче, опасаясь рассердить мать. — Может быть, у американцев все не так строго, как у нас. Может, там к женщинам относятся лучше.

— Лучше? — фыркнула мама и, помешивая овощи на сковородке, покачала головой. — Это навряд ли как в твоих сказках?

Исра почувствовала, что краснеет.

— Нет, я не об этом...

— А о чем тогда?

У Исры чесался язык спросить, неужели брак в Америке устроен так же, как у ее родителей: мужчина решает все от и до и колотит женщину, если та ему не угодит. Исре было пять лет, когда она впервые увидела, как Якуб бьет маму. Из-за непрожаренного куска ягнатины. Исра до сих пор помнила мольбу в маминых глазах, закливающих: «Не надо!» — и угрюмое лицо Якуба, когда он молотил ее кулаками. На Исру тогда с грохотом обрушилась тьма — мир открылся ей с какой-то совершенно новой стороны. Мир, где

бьют не только детей, но и матерей. Той ночью, глядя маме в глаза, слушая ее неуправляемые рыдания, Исра ощутила ярость, которую не могла забыть до сих пор.

Она спросила, по-прежнему обдумывая каждое слово:

— Может быть, женщин в Америке больше уважают?

Мама уставилась на нее:

— Уважают?

— Ну или ценят? Не знаю...

Мама отложила поварешку.

— Послушай меня, дочка. Как бы далеко от Палестины ты ни уехала, женщина всегда остается женщиной. Что здесь, что там. Где бы она ни жила, это не изменит ее *насиб*, ее судьбу.

— Но почему так?

— Ты еще слишком молоденькая, чтобы это понять, — сказала мама. — Но всегда помни, — она взяла Исру за подбородок, — что для женщины не существует ничего, кроме ее *байт ва дар* — дома и хозяйства. Брак и материнство — вот ее предназначение.

Исра кивнула, но все в ее душе противилось услышанному. Упершись руками в бедра, она сморгнула слезы. «Мама ошибается», — сказала она себе. Если ей не удалось обрести счастье с Якубом, это не значит, что Исру ждет та же участь. Она будет любить своего мужа так, как мама никогда не любила Якуба, будет стараться понять его и порадовать — и непременно заслужит его любовь.

Подняв глаза, Исра заметила, что руки у мамы дрожат. По ее щекам катились слезы.

— Мама, ты плачешь?

— Нет-нет. — Она отвернулась. — Лук очень жгучий.

Во второй раз Исра увидела жениха неделю спустя — на церемонии бракосочетания. Звали его Адам Раад. Они